

ВОЙНА И МЫ

СЕРГЕЙ ПЕРЕСЛЕГИН



**ПЕРВАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА
МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЯМИ**

Война и мы

Сергей Переслегин

**Первая Мировая. Война
между Реальностями**

«Яуза»

2016

УДК 94(100)"1914/19"
ББК 63.3(0)53

Переслегин С. Б.

Первая Мировая. Война между Реальностями /
С. Б. Переслегин — «Яуза», 2016 — (Война и мы)

ISBN 978-5-906716-43-9

Новая книга от автора бестселлеров «Вторая Мировая. Война между Реальностями» и «Тихоокеанская премьера» – это не просто историческое расследование, больше, чем путеводитель по лабиринтам исторических альтернатив. Это разгадка величайшего «кроссворда» XX века, открытие тайных смыслов и скрытой логики в, казалось бы, самой нелогичной и парадоксальной войне. «К Первой Мировой готовились десятилетиями, она, без всякого сомнения, стала самой ожидаемой и самой спланированной войной в истории. При этом она разразилась совершенно неожиданно, и оказалось, что к ней никто не готов. Война мыслилась как быстрая, подобная удару молнии, – но затянулась сверх всяких разумных пределов, поставив воюющие государства на край гибели. Армии Первой Мировой уникальны по сочетанию умных и образованных офицеров, талантливейших генералов и отважных до полной потери инстинкта самосохранения солдат. Но ошеломляющая красота стратегических решений и оперативных планов вылилась в многолетний кошмар позиционной войны, миллионы жертв без всякого смысла и толку, чудовищное истощение воюющих стран и разрушение социальной ткани. «Крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовой»...»

УДК 94(100)"1914/19"
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-906716-43-9

© Переслегин С. Б., 2016

© Яуза, 2016

Содержание

Введение	7
Вступительный сюжет: Серебряный век	9
Ритмы истории	10
Мир в 1900-х годах	13
Политическая схема мира	24
Интермедия 1: «Первая кровь»	29
Сараевское убийство	30
Развитие кризиса	35
Объявление войны	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Переслегин

Первая Мировая. Война между Реальностями

Ни доски, ни фигур не потребуется вам для разыгрывания партий, помещенных в этом разделе. Достаточно иметь перед собой журнал: здесь приводятся позиции, возникшие в партии после каждых 3–4 ходов, и вы сможете изучать партии в условиях, когда вообще затруднительно разложить доску и расставить фигуры, а карманных шахмат у вас нет. Кроме таких удобств, анализ партий по промежуточным позициям весьма полезен; это своеобразная тренировка воображения, внимания, умения сосредоточиваться.

Ну а в чисто шахматном плане разбор партий без доски, конечно, отличное упражнение для шахматистов. Ведь играя с партнером, каждому приходится просчитывать различные варианты, разумеется, мысленно и часто не из 3–4 ходов, а даже из 10–15.

Раздел «Шахматы без шахмат» журнала «Наука и жизнь», 1970-е годы

© Переслегин С., 2016

© ООО «Яуза-каталог», 2016

Введение

По своему значению для европейской и мировой истории Первая мировая война сравнима с Тридцатилетней, если не с Троянской. Ее влияние на политику, экономику, социальную психологию, культуру, национальные идентичности, даже на мифологию и архетипические структуры, ощущается до сих пор, и вряд ли будет изжито в XXI или XXII столетиях. При этом, несмотря на огромное количество специальной и художественной литературы, Первая мировая война не вполне освоена европейской цивилизацией, не отрефлектирована, не понята.

*«Я предпочитаю мертвую историю. Мертвая история записана чернилами, а та, что во плоти, – пишется кровью».*¹ Но великая война 1914–1918 гг. все еще остается фактором современной политики: ей посвящают свои речи государственные деятели, о ней говорят в новостных программах, пишут в популярных журналах. Как и сто лет назад, интеллигенция стран-участниц войны защищает позицию своего отечества с последовательностью, заслуживающей лучшего применения.

Летний политический кризис 2014 года, связанный с гибелью малайзийского «Боинга-777» над Донецком, не только обозреватели, но и публика сравнивали с событиями в Сараево. Впрочем, неделю спустя и о «Боинге», и об эрцгерцоге все уже забыли...

Сравнения поучительны, и корни сегодняшних событий в самом деле уходят глубоко: может быть, даже дальше Первой мировой войны. Но *сравнения всегда демонстрируют прошлое в кривом зеркале настоящего.*

Великой войне не повезло с историографией. Сразу по ее окончании произошедшие события были слишком близки и болезненны. Центральные державы проиграли войну, их политики и военачальники нуждались в самооправдании, а не в поиске истины. Тем более генералы-победители не были заинтересованы в анализе своих ошибок, а руководство Антанты – в объективном расследовании происхождения войны.

Обычно подобные табу снимаются следующим поколением, но в следующем поколении случилась своя война. Понятно, что Первую мировую войну – сознательно или бессознательно – анализировали с позиций Второй. Между тем Вторая мировая война является не только продолжением первой, но и одновременно ее отрицанием.

Советскому Союзу на первом этапе повезло больше: он не был в лагере проигравших, а смена политической элиты сняла статус «неприкасаемых» с русских политиков и военачальников. Зато советские военные аналитики практически не имели доступа к западным первоисточникам, что резко сужало их документальную базу. Да и обязательный классовый подход, которым советский генералитет в массе своей не владел, создавал ряд проблем. После же Второй мировой войны Союзу стало совсем не до событий 1914–1918 гг., которые воспринимались как абсолютное прошлое, едва ли не доисторическое.

Весьма любопытна бедность альтернативных историй Первой мировой войны в сравнении не только со Второй, но и с Наполеоновскими войнами или внутренними войнами в США.² Это обстоятельство отнюдь не компенсируется потоком русских «альтернативок» по Октябрьской революции и Гражданской войне, поскольку революция самым тесным образом связана именно с великой войной, что в большинстве альтернативных версий вообще не принимается во внимание.

Данная книга, конечно, не претендует на преодоление одного из наиболее значимых европейских социокультурных комплексов. Ее задача, скорее, поставить вопросы, нежели найти ответы, наметить схему структурных связей мира 1910-х и 2010-х годов, показать некоторые

¹ Дж. Мартин. «Песнь льда и пламени».

² Есть все основания рассматривать Войну за независимость как Гражданскую войну.

наиболее простые и естественные альтернативные возможности развития событий великой войны, продемонстрировать читателю скрытую красоту стратегических решений и оперативных маневров. Я стремился по возможности очистить военно-исторический анализ от политического и идеологического содержания, то есть сделать материал «неактуальным».

Книга может рассматриваться и как приквелл ко «Второй мировой между реальностями», и как ответ на великолепную работу лауреата Пулицеровской премии Б. Такман «Августовские пушки».

Данная версия текста включает в себя период с начала войны до конца января 1915 года. В дальнейшем я предполагаю превратить книгу в двухтомник, где будет более подробно описана предыстория Первой мировой войны («Вступительная игра»), а также рассказано о ее позиционном и постпозиционном периоде («Осада Трои» и «Последнее усилие»).

Вступительный сюжет: Серебряный век

Там, в будущем, все еще спорят, был ли этот период эпохой неестественных пуританских условностей и почти неприкрытой жестокости или последним расцветом клонящейся к упадку западной цивилизации. Но, глядя на этих людей, понимаешь, что справедливо и то и другое: историю нельзя втиснуть в рамки простых определений, потому что она складывается из миллионов человеческих судеб.

П. Андерсон. «Патруль времени»

Вероятно, из всех европейских войн Первая мировая наиболее парадоксальна.

К ней готовились десятилетиями, она, без всякого сомнения, стала самой ожидаемой и самой спланированной войной в истории. При этом она разразилась совершенно неожиданно, в предельно неподходящий для всех ее участников момент, и оказалось, что к ней никто не готов.

Армии Первой мировой уникальны по сочетанию умных и образованных офицеров, талантливейших генералов и отважных до полной потери инстинкта самосохранения солдат. Но ошеломляющая красота стратегических решений и оперативных планов вылилась в многолетний кошмар позиционной войны, сотни тысяч и миллионы жертв без всякого смысла и толку, чудовищное истощение воюющих стран, распад экономико-политических организаций и разрушение социальной ткани. *«Крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовой...»*

Война мыслилась как быстрая, подобная удару молнии.³ Она затянулась сверх всяких разумных пределов, поставив воюющие государства на край гибели. Да, сугубо формально четыре года – это не очень много в сопоставлении со столетними, тридцатилетними, двадцатипятилетними, семилетними конфликтами прошлого. Но сравнивается ведь не *календарное*, а *событийное* время, и с этой точки зрения Первая мировая остается вне конкуренции. При этом нужно учесть, что, как правило, войны характеризуются размашистыми движениями армий по стратегическим театрам. Военные события распределяются по огромной территории – от Москвы до Парижа в 1812–1814 гг., от Сталинграда до Берлина и от Новой Гвинеи до Алеутских островов в 1941–1945 гг. В данном же случае содержательные перемещения армий ограничивались узкой до неприличия полосой. Например, с сентября 1914 года по сентябрь 1918 года боевые действия на Западном фронте Первой мировой войны происходили в пределах шестидесятикилометрового промежутка между реками Марна и Эна, причем основную часть времени войска противников вообще не могли сдвинуться с места. Австрийские позиции на реке Изонцо итальянская армия атаковала за 1915–1917 гг. двенадцать раз, продвинувшись в сумме на 5–10 километров, ценой потери приблизительно миллиона солдат убитыми, ранеными и пленными.

Война начиналась под лозунгами *«Бизнес как обычно»* – в Англии и *«Мы вернемся домой до начала листопада»* – в Германии, а обернулась одной из наиболее значимых вех европейской истории, завершившей период ее интенсивного развития в логике научно-технического и социального прогресса.

³ В начале 2000-х книга Б. Такман «Августовские пушки» вышла в издательстве «АСТ» под названием «Первый блицкриг».

Ритмы истории

Картирование европейской истории⁴ позволяет выделить характерные для нее *длинные ритмы*. Понятно, что на самом деле таких ритмов много, и при желании можно обосновать и шестидесятилетние циклы Н. Кондратьева, и одиннадцатилетние периоды, связанные с солнечной активностью, и двадцатилетние поколенческие процессы, и исторические эпохи длительностью около четырехсот лет, и шестисотлетние пассионарные волны Л. Гумилева. В рамках данной книги особый интерес представляют условные «вековые» ритмы.

Джованни Арриги (Италия) ввел представление о «долгих» или «длинных» веках, хотя его слова о длинном XX веке далеки от истины.⁵ Впрочем, в действительности Д. Арриги писал о XVII столетии, а двадцатый век был упомянут ради броского заголовка.

Сама же концепция вполне содержательна, более того, аккуратный анализ показывает, что последнее тысячелетие европейской истории представляет собой правильное чередование «длинных» и «коротких» веков.

Первая мировая война оказывается знаковым событием. Можно сказать, что убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда 28 июня 1914 года завершило «*длинный XIX век*», а пересечение германскими войсками границы Бельгии 4 августа 1914 года открыло «*короткое XX столетие*».

«Длинный век» – это содержательные революции, сопровождающиеся гражданскими войнами, переделом собственности, изменением оснований права, заменой культурных кодов, представлений об обществе и способах его организации. Это сравнительно медленные, но неуклонные процессы развития – экономического, технологического, когнитивного – и коренные изменения в способе производства.

Можно определить «длинный век» как обобщенную производственную, промышленную или научно-технологическую революцию. Протекающие в «долгих столетиях» процессы носят линейный, поступательный характер и хорошо описываются в терминах «прогресса».

Продолжительность «длинного века» составляет около 150 лет.⁶

Девятнадцатый век ознаменовался не сравнимым ни с чем, чудесным, фантастическим научно-техническим развитием, полным переворотом в средствах производства, организации общественных отношений, образе жизни. С политической точки зрения наиболее важным событием «долгого столетия» стала организация Нового Света: строительство американской государственности, создание американской культуры, рождение американской цивилизации. В следующем «коротком веке» Соединенные Штаты Америки станут второй после Римской империи глобальной державой, но и к 1914 году Великая западная демократия представляет собой значительную силу.

Для европейцев политическая история XIX столетия прошла под знаком Великой французской революции и Наполеоновских войн. Становление буржуазной демократии как социальной нормы, возникновение марксизма и рабочего движения, первые представления о «*вмешательстве знания в организацию человеческих отношений*». Одновременно – становление финансовых империй, концентрация производства и образование монопольных промышлен-

⁴ Речь идет об истории *европейской цивилизации*, генеалогию которой обычно возводят к античной Греции. Как правило, рассматриваются следующие этапы: Древний Египет, как исходная человеческая цивилизация, оказавшая влияние на все современные культуры, Крито-Микенская Греция, классическая Греция, Рим, средневековая Европа (до Крестовых походов), классическая Европа.

⁵ Арриги Дж. «Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени». М., Издательский дом «Территория будущего», 2006.

⁶ Усреднение по европейской истории дает 146 ± 10 лет.

ных объединений, борьба за колониальные империи: раздел мира, «глобализация без глобализации». Появляется и широко распространяется *геополитика*, как обоснование колониализма.

Впервые начинает ощущаться конечность земного шара. Пространства уже не хватает, возникают проблемы с рынками сбыта, эти проблемы выливаются в циклические кризисы перепроизводства, причем уже ко времени Франко-прусской войны у информированных лиц создается впечатление, что мировая финансовая система неустойчива и амплитуда кризисов растет. Впрочем, пока что усредненные экономические показатели (ВВП – в привычном нам языке) растут еще быстрее, и грядущий «потоп» предвидят только маргинальные левые экономисты.

Наконец, завершилась «кристаллизация» Германии, начатая Тридцатилетней войной. Теперь политическое пространство Европы поделено между «старыми империями» – Российской, Британской, Австрийской, постреволюционной Францией и Германией Гогенцоллернов, представляющей собой империю нового типа. Тогда это было не вполне понятно даже самим немцам, многие и сейчас недооценивают инаковость Германии и кайзеровской, и гитлеровской.

С военной точки зрения XIX столетие превратило войну людей в войну машин, и это тоже не было понято к августу 1914 года, и рефлексировалось уже на полях сражений Первой мировой, в «коротком XX веке».

Этот век начался в августе 1914 года и закончился тоже в августе, в 1991 году, когда поражение ГКЧП подвело черту под историей Советского Союза, ведущего субъекта и актора третьей мировой (холодной) войны.

Три мировые войны и немереное количество локальных конфликтов всего за 77 лет. Переход цивилизационного, военного и политического лидерства от Европы к Америке, точнее к Соединенным Штатам Америки. Создание «общества потребления» и «общества зрелищ». Выход в космос и надежное освоение «пятого океана». Ядерная энергия. Электроника. Глобальная связь. Телевидение.

Для «короткого века» характерны высокоинтенсивные военные и военно-политические события – войны, локальные революции, распад империй, многократное изменение политической карты мира. Очень быстрое, но кризисное, неустойчивое технологическое развитие, сопровождающееся разрушением *оснований* сферы познания. Экономическое развитие идет медленнее, чем в «длинном столетии», вернее – идет с меньшим ускорением. Наблюдается некоторое нарушение упорядоченности инвестиционных циклов, что оборачивается очень глубокими и длительными экономическими кризисами, которые сменяются длительными подъемами. И точно такие же «волны» отмечаются в культуре, где смена стилей происходит каждое поколение или даже чаще.

В целом содержанием «короткого века» всегда является смена господствующих организованностей – в политике, экономике и т. п. Он продолжается около 75 лет.⁷

Для полноты кратко проследим историю европейских циклов последнего тысячелетия:

XI век. 1024–1096 гг. (72 года). Реперные события – смерть Генриха II Святого – начало Первого крестового похода. Содержание века: Ключинская реформа, изменение системы организованностей в Римской церкви, возникновение представления о Европе и о войне христианской цивилизации против остального мира. События: церковный раскол, военный упадок Византии, завоевание Англии норманнами.

⁷ Усредняя по последнему тысячелетию, 73 ± 6 лет.

XII–XIII века. 1096–1254 гг. (158 лет). Реперные события: Первый крестовый поход – потеря крестоносцами Дамииетты, что стратегически закончило эту эпоху (хотя формально походы продолжались еще довольно долго, они более никогда не имели шансов реализовать свою основную цель). Содержание эпохи – Крестовые походы. Возрождение средиземноморской торговли, становление вексельной и банковской системы, создание медицины, возникновение представлений об исследованиях. Появление орденов, в том числе францисканского и доминиканского. Век завершил раннее Средневековье и открыл высокое Средневековье.

XIV век. 1254–1337 гг. (83 года). Реперные события: завершение Крестовых походов – начало Столетней войны и общего кризиса феодализма. Содержание эпохи – создание схоластики как формата мышления. «Сумма теологии». Логика. Аристотель и Фома Аквинат. Важнейшим событием (характерным для коротких веков) стала природная катастрофа – европейский голод.

XV век. 1337–1491 гг. (154 года). Реперные события: Столетняя война – открытие Америки. Общий кризис феодализма. Чума в Европе. Мануфактурное производство. Представление о национальном государстве.

XVI век. 1491–1568 (77 лет). Реперные события: открытие Америки – начало «восьмидесятилетней войны» (Нидерландской буржуазной революции). Реформация.

XVII век. 1568–1714 (146 лет). Реперные события – начало восьмидесятилетней войны – конец Войны за испанское наследство. Гражданские войны в Нидерландах, Англии и Франции (Фронда), Тридцатилетняя война, Война за испанское наследство – сплошные «медленные войны». При этом медленно, но неуклонно меняется соотношение сил в пользу Англии, которая к концу века становится Великобританией и осуществляет первый промышленный переворот.

XVIII век. 1714–1776 гг. (62 года). Конец Войны за испанское наследство – начало Войны за независимость в США. Начало Нового времени и восходящего этапа индустриальной фазы развития. Содержание эпохи – абсолютизм. Семилетняя война, линейная тактика, энциклопедия, философия. Малый ледниковый период. Вообще говоря, короткая эпоха «отдыха» после колоссального подъема «длинного семнадцатого века». Англия завершает этап «догоняющего развития», во Франции – непрерывный культурный и политический кризис при подспудном экономическом росте.

XIX век. 1776–1914 гг. (138 лет). Второй промышленный переворот. Создание машинного производства, машинного транспорта и научного формата мышления.

XX век. 1914–1991 гг. (77 лет). Мировые войны. Кризис научного формата мышления. Кризис империй. Кризис национального государства. Корпорации и сверхкорпорации.

Мир в 1900-х годах

Итак, Первая мировая война завершила самое блестящее «длинное столетие» в жизни человечества. Сто тридцать восемь лет «пара и электричества» можно условно разделить на пять исторических этапов.

С 1776 по 1815 год мир был охвачен революциями и революционными войнами. Далее – вплоть до 1848 года – продолжался период реакции, и политическая жизнь в Европе удерживалась в жестких рамках, установленных Венским конгрессом. Этот период заканчивается целой серией взаимосвязанных революционных выступлений во Франции, в Германии, в Италии, в Венгрии. И сразу же Европа и Америка вступают в новый этап активной вооруженной борьбы: война за независимость Италии, Крымская война, «германские войны» (Датская, Австро-прусская, Франко-прусская), кровопролитный внутренний конфликт в Северо-Американских Соединенных Штатах, наконец, Балканская война, завершившаяся Берлинским конгрессом, зафиксировавшим новый расклад «европейского пасьянса».

После Берлинского конгресса в цивилизованной ойкумене надолго воцарилось спокойствие, зато резко обострилась борьба за колонии и, как следствие, начал быстро расти уровень жизни метрополий: «Золотой век», «Викторианская эпоха», «Pax Britannia». Всего за двадцать лет мир был поделен и в значительной своей части застроен городами, портами и железными дорогами.

Испано-американской войной 1898 года начинается борьба за передел поделенного между великими державами мира.⁸ Такой передел был чреват большой войной, но в эту войну не верил почти никто. Считалось, что человечество уже переросло подобный способ решения конфликтов. Войну называли «великой иллюзией» и к ней активно и последовательно готовились.

С 1898 по 1914 год продолжается последний этап «длинного XIX столетия». Этот период, завершившийся 1913 годом, с которым в Советском Союзе сравнивали все и вся, по крайней мере, до выхода в космос, иногда именуется историками культуры «Серебряным веком» человечества.

С полным на то основанием.

Прежде всего, цивилизация стала повсеместной. «Поручение Адама»⁹ было выполнено: Земля была освоена целиком. Наконец, осуществились две вековые мечты географов – определены истоки Нила и покорены оба полюса нашей планеты. «Белые пятна» еще оставались в долине Амазонки, в Антарктиде, в Полярных морях, но это были уже именно «пятна», островки незнания на заполненной географической карте.

Международная политика структурировалась тремя типами государственных образований.

Во-первых, значительной частью мира до сих пор владели *старые империи*, возглавляемые историческими династиями.

Каждая из этих империй была по-своему уникальна. Габсбурги возвели в принцип монархические отношения, феодальные права и личные унии. Романовы создали причудли-

⁸ Заметим, что история Северо-Американских Соединенных Штатов на протяжении всего «длинного XIX» опережала европейскую историю. Война за независимость началась в 1776 году, в то время как Великая французская революция – в 1789-м, Америка вступила в эпоху войн в 1848 году (Франция, Великобритания, Россия – в 1853-м), закончила ее в 1856-м (Франция и Германия в 1871-м, Россия в 1878-м). Да и в борьбу за передел мира США вступили раньше всех – в 1898 году. Само по себе это свидетельствует об ускоренном развитии *Нового Света* по сравнению со *Старым*.

⁹ «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле». Бытие 1.27–1.28.

вую смесь из позднесредневековых самодержавных институтов,¹⁰ раннесредневековой религиозной идентичности, хорошо налаженного, вполне себе постиндустриального механизма культурной ассимиляции элит и европейски, то есть капиталистически организованной тяжелой индустрии. Такой же коктейль исторических эпох представляла собой русская армия. Впрочем, не будем забывать, что эта армия смогла создать вторую по величине мировую империю (21,8 миллиона квадратных километров, 175 миллионов человек).

А первое место принадлежало Англии. Ганноверская династия трансформировала феодальное Соединенное Королевство в капиталистическую Великобританию, владеющую «богатствами Земли и ее самой». После Трафальгара Британия неоспоримо господствовала на море, хотя и со стороны Франции, и даже со стороны России время от времени предпринимались попытки воспользоваться быстрым моральным устареванием боевых кораблей в период интенсивного развития машиностроительных и металлургических технологий и потеснить Англию с ее пьедестала.

Несмотря на потерю «Северо-Американских колоний» в самом начале «длинного XIX», Британская империя продолжала расти, ее территория к 1914 году превысила 25,9 миллиона квадратных километров (17 % площади земной суши, не исключая Гренландии и Антарктиды), население составило 400 миллионов человек (22 % населения Земли).

Во-вторых, важную роль в Европе и в мире играли *национальные государства*. Большинство из них по традиции возглавлялись монархами, разумеется, конституционными и законопослушными (Бельгия, Голландия, Люксембург, Швеция, Норвегия, Италия, Сербия, Испания), но гораздо большую роль в мировой политике играли Французская и Американская республики. К «республиканской Европе» относились также Швейцария, и с 1910 года Португалия.

В-третьих, были *колонии и полуколонии*. На европейском континенте под это определение попадали Босния и Герцеговина, Мальта и Кипр, и в известной мере Польша с Финляндией. Африка, почти вся, исключая Эфиопию и Либерию, имела колониальный статус, колониями были Индия, Пакистан, Бирма, Австралия, Канада, Новая Зеландия, перечисление можно продолжать.

Китай оставался полуколонией, формально независимым государством, имеющим ограниченный суверенитет на своей собственной территории.

После Боксерского восстания правительство страны было вынуждено подписать так называемый «Заключительный протокол», согласно которому Китай был обязан:

1. Послать в Германию специального посла с извинениями за убийство сотрудника германской дипломатической миссии фон Кеттелера. Также китайские власти должны были поставить фон Кеттелеру памятник.
2. Послать в Японию специального посла с такими же извинениями, но за убийство члена японской дипломатической миссии Сугиямы.
3. Казнить всех лидеров повстанцев.
4. Восстановить старые и поставить новые памятники на всех христианских кладбищах империи.
5. В течение 2 лет не ввозить в страну оружие и боеприпасы.
6. Уплатить контрибуцию в 450 000 000 лян серебра (из расчета 1 лян – 1 житель Китая). 1 лян весил 37,3 г и по обменному курсу равнялся

¹⁰ Российское самодержавие во все исторические эпохи не имело ничего общего с европейским абсолютизмом. В основе абсолютизма лежит *двоевластие* (юнкеры и грюндеры, дворянство и буржуазия и т. д.), то есть равновесие сил, представляющих разные социальные страты (имущественные классы). Это подразумевает перманентный политический конфликт и необходимость в действенном арбитраже со стороны верховной власти. Российское управление основано на *единовластии* и предполагает концентрацию в одних руках всех государственных ресурсов – от земель до «человеческого капитала».

примерно 2 рублям серебром.¹¹ Россия получила 30 % репараций, Германия – 20 %, Франция – 15,75 %, Британия – 11,25 %, Япония – 7 %, США – 7 %, оставшаяся сумма была разделена между остальными государствами-членами коалиции. Выплаты должны были быть произведены до 1939 года, при этом они увеличивались на 4 % каждый год, и к началу Второй мировой войны составили 982 238 150 лян.

7. Допустить постоянную военную охрану в Посольский квартал и во все важнейшие учреждения страны. Также в Китае постоянно находились иностранные войска.

8. Срыть форты в Дагу.

9. Странам-победительницам предоставлялось право возвести 12 опорных точек на пути от Пекина к морю.

10. Запрещались все общественные организации религиозного толка и направленные против иностранцев.

И наконец:

11. Китайским властям запрещался сбор налогов (!).

Примерно тот же статус имела Османская империя. На территории страны действовал *режим капитуляций*, в силу которого иностранцы были изъяты из действия местной юрисдикции и подчинялись юрисдикции своих консулов (то есть могли творить все, чего желали). После младотурецкого переворота 1908 года ситуация начала меняться, как считается, в сторону обретения Блистательной Портой большей суверенности. На деле Турция просто превратилась из общеевропейского кондоминиума в германскую полуконию.

Сейчас к колониализму принято относиться сугубо отрицательно, между тем для мира 1900-х годов он был прогрессивен и способствовал развитию как колониальных держав, так и самих колоний.

При *классическом колониализме* метрополия эксплуатирует население и присваивает природные ресурсы порабощенных территорий, но одновременно она берет на себя управление и развитие этих территорий и все связанные с этим издержки. То есть она вкладывается в порты и инфраструктуры, обеспечивает – в том числе и своими вооруженными силами – защиту колоний от внешней угрозы, порядок, безопасность, какую-никакую, но законность.

При *современном неоколониализме* метрополия опять-таки эксплуатирует население и присваивает природные ресурсы порабощенных территорий через *рену отсталости*,¹² оставляя все проблемы с развитием и безопасностью местным властям – «папуасам». *Неоколониализм представляет собой остроумный способ избежать всякой ответственности за господство.*

В 1910-х годах неоколониализма не было даже в проекте, и великие колониальные державы безропотно несли «бремя белого человека». Анализируя график роста населения Африки в 1800–1910 гг., нетрудно видеть, что с началом колониальной «гонки за Африку» (1875–1914 гг.) популяционная динамика идет вверх, в результате население Черного континента в 1910 году составило 449 миллионов человек вместо 375 расчетных.

Колониями владели почти все европейские страны, не исключая Бельгии и Португалии. Наличие колоний позволяло иметь гарантированные рынки и источники сырья, кроме того, колонии поглощали избыточный человеческий материал метрополии, снижая давление на рынок труда. Именно это, прежде всего, способствовало появлению в европейских обще-

¹¹ В формальном пересчете через цену серебра контрибуция составляет свыше 11,4 миллиарда USD.

¹² Геоэкономический термин, описывающий неравноправные торговые отношения между странами, относящимися к разным технологическим укладам. *Рента отсталости* означает, что на мировом рынке экспортная продукция страны, выплачивающей эту ренту, недооценена, в то время как импорт из технологически более развитых стран переоценен. Рента отсталости, взятая с обратным знаком, называется *рентой развития*.

ствах «среднего класса» – интеллигенции, рабочей аристократии. Острая потребность в квалифицированных кадрах привела к развитию национальных систем образования и возникновению образовательных социальных лифтов.

В результате в мире сложились своеобразные «балансы интересов»:

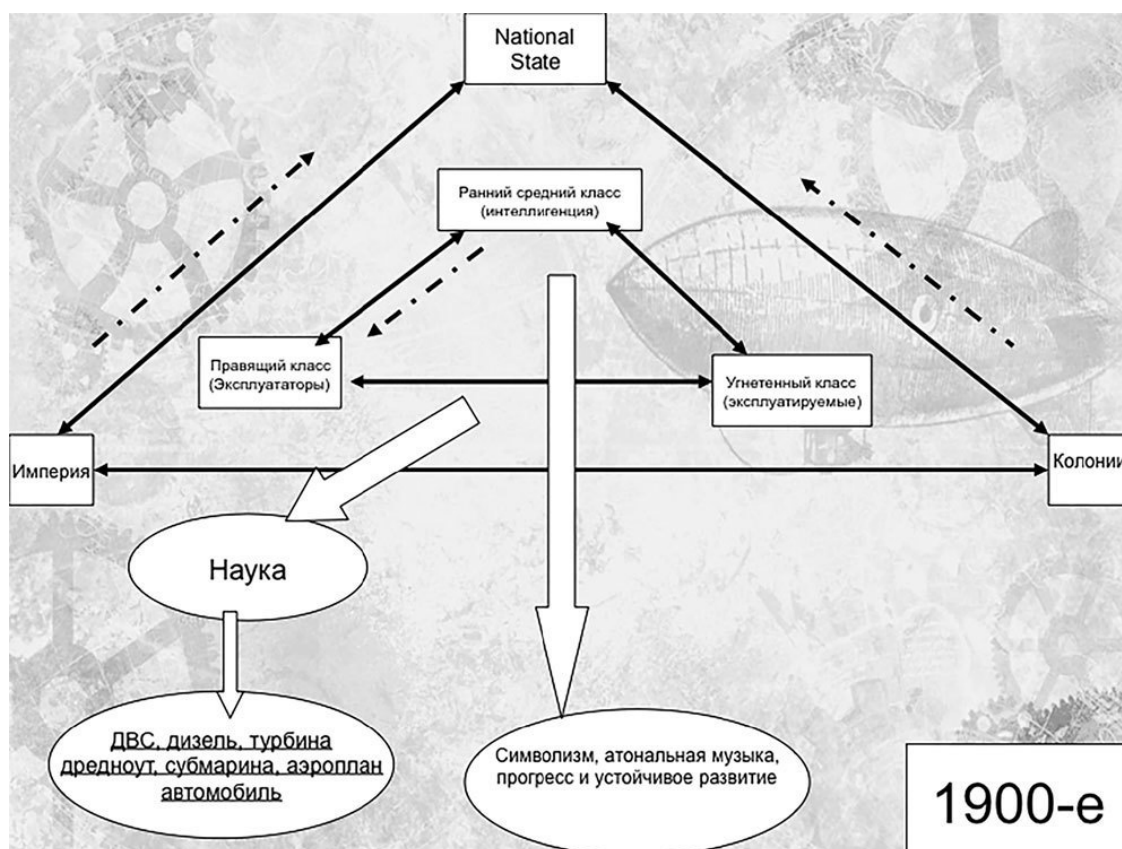
Империи – Национальные государства – Колонии (и полуколонии), как мировой баланс управления;

Эксплуататоры – эксплуатируемые – средний класс (трехклассовая социальная система по К. Марксу).

Социальные лифты работали в 1910-х годах не лучшим образом, но определенная вертикальная мобильность все-таки обеспечивалась, что существенно снижало остроту социальных противоречий.

Мировой и внутригосударственный порядок считался устойчивым, в обществе господствовали идеи прогресса и устойчивого развития. Образование способствовало росту научных достижений: специальная теория относительности, периодический закон Д. Менделеева, турбина, дизель, двигатель внутреннего сгорания. Исполнилась вековая мечта человечества – сказка о полете превратилась в реальность.

Символически мир 1900-х годов может быть изображен в виде следующей схемы:



Метод пиктограмм

Данная схема носит название *социопиктограммы*, такие картинки будут иногда использоваться в книге. Они вполне понятны интуитивно. Техника работы с пиктограммами изло-

жена в книге «Социопиктографический анализ»,¹³ а в применении к военному делу и политике – в интернет-издании «Сумма стратегии».¹⁴

Кратко осветим основные положения социопиктографического анализа.

Пиктограмма отображает наблюдаемые, выражаемые в метафорах, дискурсах, формулах, общественных институтах, проявленные в рефлекслируемых процессах и трендах, отраженные в общественном сознании структурные особенности системы или среды.

Основой пиктограммы и ее источником движения являются структурные противоречия системы.

Чаще всего встречаются диалектические или бинарные противоречия, обозначаемые двойной сплошной стрелкой. Такие противоречия вызывают развитие и создание нового (но не иного). Они разрешаются через проекты или события, причем и в том, и в другом случае на следующем шаге образуются вторичные противоречия, тоже бинарные. Например, англо-французский конфликт преобразовался в англо-германский конфликт, затем в англо-американский конфликт, затем в советско-американский конфликт...

Тройное противоречие или баланс обозначается треугольником. Баланс накапливает энергию для динамических или спонтанных изменений. На следующем шаге создает что-то новое или иное в системе, то есть обеспечивает инновационное или спонтанное развитие. Как правило, при этом баланс разрушается, порождая бинарные противоречия.

Проектное разрешение противоречий фиксируется на пиктограмме в виде «гребенки». Социальные процессы и событийные разрешения противоречий изображаются, как черный текст в эллипсе с черной сплошной границей. Значимые инновации подчеркиваются. Значком молнии изображаются «дикие карты» или джокеры – маловероятные, но значимые события, способные изменить структуру пиктограммы. Примером «дикой карты» является гибель «Титаника» в 1912 году.

До сих пор наш рассказ о «Серебряном веке» обходился без упоминания Германии и Японии. Эти страны похожи, и далеко не случайно, что Германия выступила в роли актора и субъекта Первой и Второй мировых войн, а Япония удостоилась атомной бомбардировки в ходе борьбы за раздел Тихого океана.

И Германия, и Япония оказались политическими «кентаврами»: их позиция на пиктограмме не может быть точно определена.

Германская империя была провозглашена О. Бисмарком после Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Часто говорят, что Пруссия представляла собой классическую феодального типа монархию под королевским скипетром Гогенцоллернов. В действительности дело обстоит много сложнее.

Предыстория прусского государства, название которого происходит от славянского племени пруссов, связана с немецким Рыцарским орденом. Орден обратил пруссов в христианство, попутно истребив большую часть населения. При этом завоеватели присвоили себе имя покоренных, что, вообще говоря, происходит редко.

¹³ Переслегин С. «Социопиктографический анализ». Санкт-Петербург, Corvus, 2009.

¹⁴ Переслегин С., Переслегин Е., Желтов А., Луковникова Н. «Сумма стратегии». <http://future-designing.org/knigi/summastrategiy.html>

В последующие два века земли к западу и востоку от Вислы (соответственно, Западная и Восточная Пруссия) управляются Орденом.

«Орденское государство XIV века выглядит необычно современным: посреди феодальных монархий – религиозная республика, во главе ее выборный магистр, окруженный своими капитулами как современный глава государства или правительства – своими министерствами; земля разделена на двадцать округов, каждый из которых управляется по указаниям магистра комтуром со своим собственным конвентом; каждый рыцарь Ордена в определенной мере является государственным служащим; нет никаких господ-феодалов, как в других местах – устав Ордена запрещает личную собственность; и вообще все холостяки – обет рыцаря Ордена требует целомудрия. Пополнение Ордена приходит из империи, где его постоянно рекрутирует Германский Мастер, впрочем – без особых усилий. Ведь Орден в соответствии с современным ему словом довольно скоро стал «Госпиталем», сиятельным местом призрения для юных сыновей немецких княжеских фамилий, которые пробивались на свои места в жизни. Орден мог выбрать себе среди них наилучших, и таким образом он долгое время будет очень хорошо управляться.

Это – государство, и государство создает себе народ – народ иммигрантов, которые по прибытии находили уже готовым свое государство и его прочный порядок и получали свои наделы земли – почти опустошенной плодородной земли, земли неограниченных возможностей для умелых людей. А эти иммигранты – люди умелые. Пруссия в XIV веке становится богатой, гораздо богаче, чем другие немецкие колонии, с быстро растущими городами, как Даницг и Кёнигсберг, с хорошо хозяйствующей знатью (это чисто экономическая знать – политикой занимается Орден) и множеством свободных и зажиточных крестьян, в отличие от окружающих ее феодальных областей. Счастливая страна.

Нет, все-таки это несчастливая страна. Чем больше преуспевали сословия, тем больше воспринимали они господство Ордена как чуждое господство – и так оно и есть, и остается в определенном смысле. Ведь Орден совершенно сознательно комплектуется из империи, а не из местной аристократии и патрициата. Они бросают завистливые взгляды на соседнюю Польшу, где аристократия все более могущественна, где королевство все больше превращается в республику аристократии. И когда Орден в XV веке вступил в длительную череду войн с Польшей и Литвой, он находит свои “сословия” – свой народ – сначала наполовину, а в конце полностью на стороне противника. Вследствие этого и погибло Орденское государство – поэтому, а также и вследствие определенного вырождения и одичания. Бедность, целомудрие и послушание на длительном отрезке времени плохо сочетались с соблазнами власти».¹⁵

Под Грюнвальдом (Танненбергом) Орден потерпел в 1410 году решительное поражение и в 1466 году стал вассалом Польши. После Реформации началась секуляризация, и случилось так, что последним магистром Ордена был Гогенцоллерн.¹⁶ Объединение владений потребовало

¹⁵ Хаффнер С. «Пруссия без легенд», Siedler, 1979.

¹⁶ Швабский род, в конце XII века пришел во Франконию. Впоследствии Гогенцоллерны были бурграфами Нюрнберга, а в 1415 году получили из рук Империи маркграфство Бранденбург. Гогенцоллерн из Восточной Пруссии был кузеном маркграфа Бранденбургского, который оставался католиком, Реформацию не поддерживал и деятельность своего прусского родственника решительно не одобрял.

времени, но к 1618 году и Бранденбург, и Пруссия оказались в одних руках. По Вестфальскому миру государство Гогенцоллернов что-то получило – не столько за счет собственных заслуг, сколько вследствие кризиса империи.

«С 1648 года владения Гогенцоллернов были весьма существенными, на одном уровне с Виттельсбахами, Веттинами и Вельфами, но все-таки еще не с Габсбургами. Но они состояли из пяти географически отделенных земельных массивов, двух больших и трех более мелких, и только Магдебург граничил непосредственно с Бранденбургом» (С. Хаффнер).

Далее Гогенцоллерны более или менее осознанно начинают сборку Прусского государства. В 1660 году Восточная Пруссия освобождается от власти Польши (опять-таки не столько собственными усилиями, сколько благодаря шведско-польской войне), а в 1700 году курфюрст Бранденбургский становится королем Пруссии.¹⁷ С этого момента все его земли становятся королевством Пруссия.

«Фридрих Вильгельм I, «наш величайший внутренний король», из собрания унаследованных им земель сделал не просто государство, а именно самое строгое, наисовременнейшее и наиболее продуктивное военное государство своего времени. (...) В этом деле соучаствовал дух времени – дух разума, государственного благоразумия, который тогда царил по всей Европе и благоприятствовал такому искусственному государству разума, как Пруссия; да, он стремился как раз к такому образцовому государству» (...) Суровое государство разума, грубо выстроганное, без шарма Австрии, без элегантности Саксонии, без самобытности Баварии; можно так сказать: государство без особенностей. И все же, говоря на прусском жаргоне: «в нем кое-что есть». Эта классическая Пруссия не пробуждает никакого восторга, если глядеть на нее снаружи, скорее антипатию, но во всяком случае она вызывает уважение» (С. Хаффнер).

Пруссия в свое время явила собой необычное государство дисциплины, подчиненности, военных упражнений, правильного чиновничества, лояльной аристократии, неподкупной, просвещенной и гуманной юрисдикции, одинакового для всех без исключения права, безукоризненного аппарата управления, требующего самоотверженности пуританства, отмеченного печатью кальвинизма и протестантизма, и космополитического стремления к межконфессиональной свободе вероисповедания. Великий конгломерат идей, созданный четырьмя очень непохожими правителями, представлялся под понятием короны и территории в качестве единого целого. Пруссия характеризовалась тем, что она в отличие от сплоченных по национальному признаку стран должна была породить образующие и поддерживающие государство нормы поведения и существовала лишь благодаря им, и что она обладала никогда не отрицавшейся дифференциацией, и в качестве противовеса ей развила грубо наглядный принцип авторитарности. Не было никакой прусской народности, никакого преимущества «коренного» народа, никакого единого диалекта, никакого доминирующего фольклора. Многообразное как раз можно рассматривать в качестве существенного, даже если тем самым подчеркивается связующая и нивелирующая власть короны и государственной организации. Однако

¹⁷ Маркграфство Бранденбургское относилось к Священной Римской империи германской нации, и, как маркграф Бранденбургский, Фридрих I был подчинен императору. Это было номинальное подчинение, но стать королем маркграф никак не мог. Однако Восточная Пруссия не принадлежала империи: первоначально она входила в Орден, затем подчинялась Польше. Следовательно, после отказа Польши от прав на Восточную Пруссию, Фридрих I, как суверен суверенной территории, мог быть коронован. Курьезно, что больше всего сопротивлялся коронации немецкий Рыцарский орден, который давно лишился всех земель, но все еще существовал и был субъектом международного права.

власть повелевала не по историческому или династическому праву, а, наоборот, исходя из способности к функционированию государственного целого, из достижений правящей династии, подчиненных институций и слоев народа. Государство определилось через поручения, которые оно давало каждому, кто в него включался и действовал для него. Оно предвещало насильственный экономический, социальный и культурный прогресс на базе всеобщего стремления к достижениям. Отрицание стремления к достижениям оно наказывало как угрозу своему существованию. Оно требовало тотального признания, абсолютного подчинения и готовности к служению. Оно соглашалось на свободы, поскольку они были основаны в государстве, внутри конфессионального и национального многообразия. Пруссия несла новые взгляды на общество, особенно славянскому меньшинству». А. Лубос. «Немцы и славяне».

В XVIII столетии Пруссия под руководством Фридриха Великого с переменным успехом сражалась против всей Европы, в начале следующего века пережила катастрофу Иены, но сумела восстановиться – и вновь, не столько собственными заслугами, сколько за счет гибели в России наполеоновской Великой армии.

Возвышение Пруссии в 1860-х годах связано с прославленными именами Бисмарка и Мольтке (старшего), и вот здесь уже нет никаких оговорок. За счет таланта своих генералов, стойкости войск, блестящего политического руководства, высокого качества администрирования Пруссия добилась гегемонии в германском мире, превратив Австро-Венгрию в своего младшего партнера.

«И в это мгновение своего величайшего триумфа – тогда этого не видел никто, а ныне может увидеть каждый – Пруссия начинает умирать. Она покорила Германию; теперь же она поработачена Германией. Основание империи, несмотря на все меры предосторожности Бисмарка, оказалось (если смотреть на это событие из Пруссии) величественной формой устранения от дел» (С. Хаффнер).

После военных побед над Данией, Австрией и Францией Пруссия, ставшая Германией, должна была превратиться в легитимную «старую империю», подобную Российской или Австрийской.

Но для этого ей не хватало, во-первых, колониальных владений, а во-вторых, исторического опыта управления империей. В результате Германская империя столкнулась с жестким противоречием: ее промышленность к 1910-м годам претендовала на первое место в мире, ее интеллектуальный потенциал, по-видимому, занимал это первое место, ее систему военного и гражданского образования копировал весь мир, но ее механизмы управления носили откровенно устаревший характер и требовали личной гениальности монарха и канцлера империи, а недостаточность колониальных владений не позволяла сбрасывать социальные напряжения через «экспорт человеческого капитала».

Не будет преувеличением сказать, что Германия попала в одну из нетривиальных «ловушек развития»: уровень ее промышленности и культура населения значительно превысили возможности государства к разумному управлению этой промышленностью и этим населением.

Это делало ситуацию в Германии неустойчивой. В стране образовались два антагонистических управляющих класса – юнкерский и грюндерский. Их лидеры видели впереди великую Германию, но юнкеры опирались при этом на сухопутную армию и традиционный «пруссский дух», а грюндеры – на Германскую империю, ее «сумрачный гений» и военно-морской флот. Юнкеры видели Германию сильнейшей европейской державой, что подразумевало повторное сокрушение Франции и войну с Россией. Грюндеры грезил о мировом господстве, что означало войну с Англией и в перспективе с Соединенными Штатами.

В управляющей позиции к противоречию между классами находился германский император, но для Вильгельма Второго задача уравнивания германской внешней и внутренней политики оказалась неразрешимой.

Рост социальной температуры в Германии при жесткой прусской системе контроля над населением создали своеобразный социальный тепловой двигатель. Это делало крупную войну с участием Германии неизбежной, но основная проблема была даже не в этом: в условиях «перегрева» творческая деятельность германской интеллигенции привела к необратимому дрейфу германской культуры в область иных по отношению к Европе цивилизационных принципов. При Гитлере это обернется отточенной формулой Ж. Бержье: «*Магия плюс танковые дивизии*», но и при кайзере можно говорить о Германии как о некротической и магической цивилизации.

Таким образом, Германия стала симбионтом трех структур: прусской постфеодальной монархии, некогда слывшей «государством Разума», обычной, даже заурядной европейской империи и империи новой, иной, пугающей.

Ситуация в **Японии** была похожей, но определенно более простой. Реставрация Мейдзи сделала Японию внешне индустриальной, капиталистической, даже отчасти демократической страной, но ее культурные коды остались прежними. Их нельзя назвать феодальными, по-видимому, они сохранялись неизменными со времени заселения Японских островов, то есть в лучшем случае восходят к медно-каменному веку, а скорее, к мезолитической культуре *дземон*. Не должно вызывать удивления, что эти древние архетипы несли на себе отпечаток той же некротической и магической культуры, что создавалась в 1900-х годах в Германии, только построенной не на модерне XIX столетия, а на глубочайшей древности.

В 1900-х годах Япония еще не была империей, хотя в 1905 году установила протекторат над Кореей, а с 1895-го удерживала Тайвань. В нашей схеме это национальное государство монархического типа, но с элементами инаковости, которым предстоит интенсивное развитие сразу после Первой мировой войны.

В описываемое время Япония – верный союзник Великобритании.

«Скелет» пиктограммы 1900-х годов составляют *вложенные балансы*. Такая конфигурация противоречий накапливает социальные противоречия и способствует быстрому изменению мира, причем эти изменения первоначально скорее чувствуются, чем наблюдаются.

Великобритания остается сильнейшей мировой державой, но она уже вынуждена считаться с Германской империей и с Соединенными Штатами Америки. США – пока еще мировой должник, но моргановский трест мало-помалу устанавливает финансовый контроль над крупными британскими компаниями, и в частности, именно Морган финансирует постройку «Титаника», «Британика» и «Олимпиака». «В 1913 году, еще до начала Первой мировой войны, Пейдж, посол США в Лондоне, написал президенту Вильсону: *«Будущее мира принадлежит нам. Англичане растрачивают свой капитал... Что же мы сделаем с мировым господством, которое явно переходит к нам в руки? И как мы можем использовать англичан для высших целей демократии?»*.¹⁸

Говоря современным языком, мир 1900-х годов стал многополярным. Это вызвало мировую войну, но это и ускорило все формы развития. «Золотой век» прекрасен, но несколько однообразен. «Серебряный» пугает – и открывает новые горизонты.

Физика все еще описывается в терминах классической науки, бэконовского подхода. Но открыта радиоактивность, выделены в чистом виде полоний и радий, теоретики столкнулись с «ультрафиолетовой катастрофой» при анализе излучения черного тела, что вынудило начать поиски другой физической картины мира. А. Эйнштейн опубликовал свою статью «К электродинамике движущихся тел», и не будет преувеличением сказать, что эта работа изменила привычные человеческие представления о пространстве и времени.

¹⁸ «Life and letters of Walter H. Page», 1925, том 1, стр. 139. Цитируется по статье Р. Исмаилова «Самоубийство Британской империи».

В 1904 году Д. Д. Томпсон предложил первую, еще очень наивную модель атома. Она не имела почти никакого отношения к действительности, но сама по себе идея делимости атома с неизбежностью приводила к мысли об атомной энергии и ее использовании.

Атомная бомба впервые упоминается в романе Г. Уэллса «Мир освобожденный» (1914 г.). Ранее Г. Уэллс предсказал военное использование отравляющих веществ, боевой авиации, когерентного инфракрасного излучения («тепловой луч»), впервые поставил вопрос о путешествиях во времени. Вообще говоря, «Серебряный век» – время первой настоящей научной фантастики, хотя до расцвета этого жанра оставалось полвека.

В Викторианскую эпоху у основной массы населения развитых стран появляется свободное время, и это сразу же изменило политическую жизнь и оказало сильнейшее влияние на развитие культуры. По сегодняшний день «Серебряный век» вспоминается не столько в связи с предстоящей мировой войной или созданием теории относительности, сколько как эпоха расцвета поэзии, музыки, театра, великосветских развлечений, утонченного богатства.

«...Не послевоенные бумажные кредитные билеты, а настоящие золотые лудоры текли в карманы парижских промышленников и коммерсантов. Для всех хватало заказов и работы. Автомобильные фабрики не успевали выполнять наряды на роскошные лимузины, задерживая выпуск военных грузовиков. Автомобили давали возможность богатым людям, не довольствуясь парижскими особняками, давать приемы и в окрестностях, как, например, в таком историческом замке, как Лафферьер, принадлежавшем Эдуарду Ротшильду. Между прочим, в этом замке располагалась в войну 1870 года германская главная квартира, и когда мне предложили расписаться в «Золотой книге» почетных посетителей, то не преминули похвастаться собственноручными подписями Бисмарка и Мольтке.

Не видно было в ту пору на бульварах длинных послевоенных веренищ такси, безнадежно ожидающих седоков. Жизнь была таким ключом, что уличное движение, как казалось, дошло до предела. В голову не могло прийти, что всего через несколько недель те же улицы, те же площади опустеют на несколько долгих лет. Портные и модистки могли брать любые цены за новые невиданные модели весенних нарядов и вечерних туалетов. Пресыщенный веселящийся Париж уже не довольствовался французским стилем: в поисках невиданных зрелищ и неиспытанных ощущений его тянуло на экзотизм, и «гвоздем» парижского сезона оказались костюмированные персидские балы. Когда и это приелось, то был устроен бал, превзошедший по богатству все виденное мною на свете, – бал драгоценных камней. Принимавшие в нем участие модницы заранее обменивались своими драгоценностями и превращались каждая в олицетворение того или другого камня. Платье соответствовало цвету украшавших его камней.

Красные рубины, зеленые изумруды, васильковые сапфиры, белоснежные, черные и розовые жемчуга сливались в один блестящий фейерверк. Но больше всего ослепляли белые и голубые бриллианты. После наших с «нацветом» желтых петербургских бриллиантов они подчеркивали лишний раз гонку русских богачей за количеством и размером, а не за качеством.

Светало, когда я вышел с бала и с одним из приглашенных пошел по улицам уже спавшего в этот час города.

– Мне кажется, – сказал я своему спутнику, – что этот бал – последний на нашем веку.

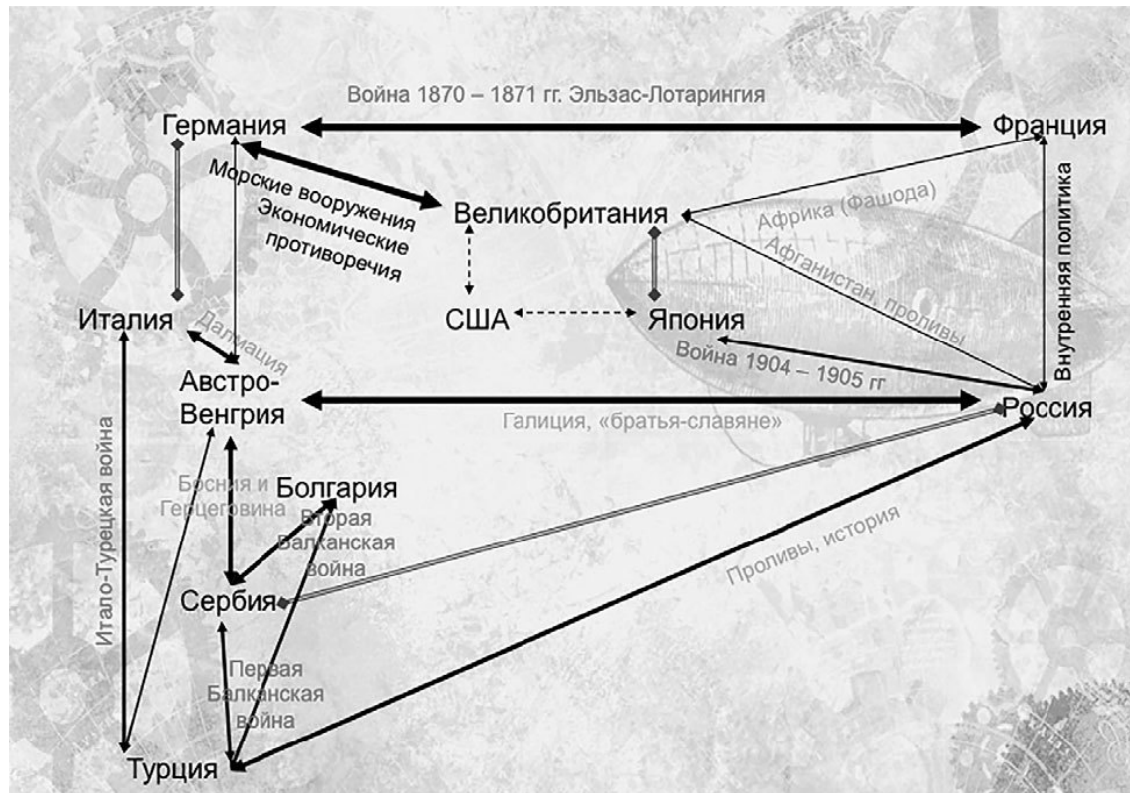
– Почему вы так думаете? – удивился мой собеседник.

– Да только потому, что дальше идти некуда.

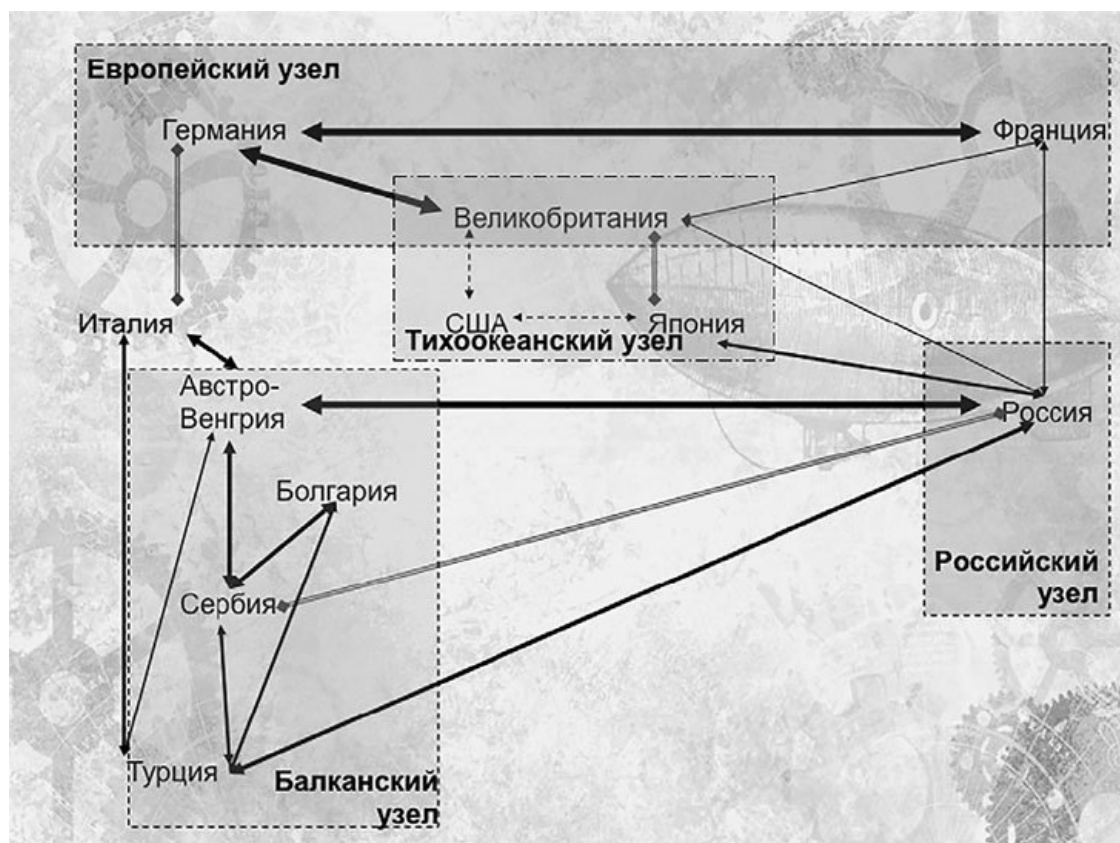
Я не знал, что это простое предчувствие окажется пророческим предсказанием конца старого мира» (А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

Политическая схема мира

Социопиктограмма «Серебряного века» носит довольно благостный характер. Картина меняется, если сменить масштаб и перейти к анализу локальных противоречий мира 1910-х годов.



Эти противоречия образуют несколько отдельных узлов.



Самым опасным и «долгоиграющим» был европейский узел, основу которого образовывало жесткое и неразрешимое противоречие между Германией и Францией. Франция, хотя она была сама виновата в войне 1870 года, а может быть, именно поэтому, не могла забыть военного поражения, не оставляла мыслей о реванше и превратила аннексию Эльзаса и Лотарингии в своего рода национальную паранойю. Германия же прочно выучила урок: для того, чтобы добиться чего-либо, например, пресловутого «места под солнцем», обязательно нужно разбить Францию.

По мере развития германской промышленности и роста германского военного и торгового флота обострились противоречия между Германией и Великобританией. Марксистская историография считает эти противоречия главной причины войны, что сомнительно. Похоже, у этой войны не было одной главной причины, и она могла разразиться в совершенно иной конфигурации. Хотя бы так: «Война будет, это как пить дать. Сербия и Россия в этой войне нам помогут. Будет драка!»

В момент своего пророчества Швейк был прекрасен. Его добродушное лицо вдохновенно сияло, как полная луна. Все у него выходило просто и ясно.

– Может статься, – продолжал он рисовать будущее Австрии, – что на нас в случае войны с Турцией нападут немцы. Ведь немцы с турками заодно. Это такие мерзавцы, других таких в мире не сыщешь. Но мы можем заключить союз с Францией, которая с семьдесят первого года точит зубы на Германию, и все пойдет как по маслу. Война будет, больше я вам не скажу ничего».

Я. Гашек, конечно, издевается, но его шутка геополитически вполне осмысленна.

Политическая картина сложна. Германия находится в союзе с Австро-Венгрией и Италией, но Италия конфликтует с двуединой монархией из-за Далмации. Кроме того, Германия и Австро-Венгрия делят влияние в немецком мире, и не следует думать, что этот вековой спор был решен одной только битвой под Садовой. Великобритания находится в союзе с Фран-

цией и Россией, но против России она ведет «большую игру» в Афганистане и Тибете. Кроме того, Англия категорически против перехода Черноморских проливов в руки России, что представляет собой одну из базовых внешнеполитических целей династии Романовых. Наконец, Англия, будучи союзником Японии, оказала последней немалую помощь в проигранной Россией войне, построив и вооружив ее флот. Друг моего врага – мой враг...

Отношения Великобритании и Франции осложняют старые колониальные споры в ходе африканской колониальной гонки.¹⁹

Франции с Россией особенно нечего делить – Наполеоновские походы и Крымская война стали достоянием истории и, в общем, забыты. Но Франция относится к внутренней политике царизма примерно так же, как современная Европа к внутренней политике Путина. В свою очередь русские элиты подозревают Францию в финансировании революции и укрывательстве революционеров. Это кажется не слишком серьезным, тем не менее нельзя забывать, что французский государственный гимн был в России официально запрещенной «революционной песней».

Но противоречия внутри Антанты образовывали баланс, да к тому же каждая из стран «Сердечного согласия» имела все-таки больше претензий к Германии или Австро-Венгрии, чем к другу, и «европейский узел» пришел к зафиксированной международными соглашениями ситуации «Антанта против Тройственного союза».

В рамках этого базового конфликта сформировались еще два узла – Российский и Балканский, сцепленные между собой союзом России и Сербии. Россия конфликтует, как уже говорилось, с Францией и Великобританией. С Японией, английской союзницей, она неудачно воевала. Порт-Артур и половина Сахалина, конечно, не Эльзас-Лотарингия, но потеря территории остается в политической памяти надолго.

Россия постоянно воюет с Турцией – за период 1568–1914 гг. таких войн насчитывается одиннадцать. Россия не скрывает, что целью ее восточной политики являются Черноморские проливы и Константинополь – крест на Святой Софии.

Весьма неприязненными являются отношения России и Австро-Венгрии. Россия поддерживает чешский сепаратизм и претендует на Западную Украину (Галицию). Вена поддерживает украинский сепаратизм и претендует на включение в свой состав части украинских земель. Кроме того, Россия поддерживает антиавстрийски настроенную Сербию.

Русский узел чреват серьезной войной, даже несколькими войнами – на западе и на востоке. И эти войны будут. Но как раз с Германией у Петербурга нет особых противоречий и проблем. Разве что пресловутые «хлебные пошлины», о которых в 1914 году едва ли кто-нибудь вообще вспомнил.

Балканы представляли собой клубок локальных противоречий всех против всех, причем структурообразующей стороной оказался Белград. Сербия против Турции (Первая балканская война). Сербия против Болгарии (Вторая балканская война). Сербия против Австро-Венгрии (Боснийский кризис). Поскольку Турция все еще оставалась полуколонией, ее конфликт с Австро-Венгрией по тем же делам Боснии и Герцеговины был погашен денежными перечислениями. Зато с Турцией успела повоевать Италия, отобравшая у Блистательной Порты Ливию.

Италия входит в Тройственный союз, но у нее нет разногласий ни с Англией, ни с Россией. Италия, конечно, не отказалась бы от некоторых кусков Французской Ривьеры, но ее гораздо больше занимает австрийская Далмация – «неискупленная Италия» в официальной пропаганде Рима.

Италия оказывается вне системы узлов, что означает наличие у нее выбора в июльские дни 1914 года.

¹⁹ «Англия на волосок от войны с Францией (Фашода). Грабят («делят») Африку» (В. И. Ленин).

В принципе этот расклад исчерпывает европейскую систему противоречий. В то время США не было принято учитывать в европейских делах и разборках. «Америка для американцев», – сказал Дж. Монро. А «на другом конце стола кто-то серьезным тоном говорил: «Америка в войну вмешаться не может. Американцы с англичанами на ножах. Америка к войне не подготовлена».

Но Америка была экономической и политической реальностью, ее армия не представляла еще серьезной силы, но флот уже был третьим в мире: 10 дредноутов на август 1914 года. И уже сформировался тихоокеанский узел противоречий: США против Великобритании на Атлантике, Уолл-стрит против Сити в мире финансов, США против Японии на Тихом океане.

Этот узел развяжет не Первая мировая война, а Вторая.

Динамика развития европейской системы противоречий выглядит следующим образом:
1870–1871 гг. Франко-прусская война 1871 г. Аннексия Эльзаса и Лотарингии. Провозглашение Германской империи

1879 г. Австро-Германский договор

1882 г. Тройственный союз

1891 г. Франко-Русский союз

1892 г. Франко-Русская военная конвенция

1894 г. Ратификация Франко-Русского союза

1904 г. Англо-французское соглашение

1904–1905 гг. Русско-японская война

1905–1906 гг. Танжерский кризис

1907 г. Англо-Русская конвенция (разграничение в Персии, Афганистан, Тибет)

1911 г. Агадирский кризис

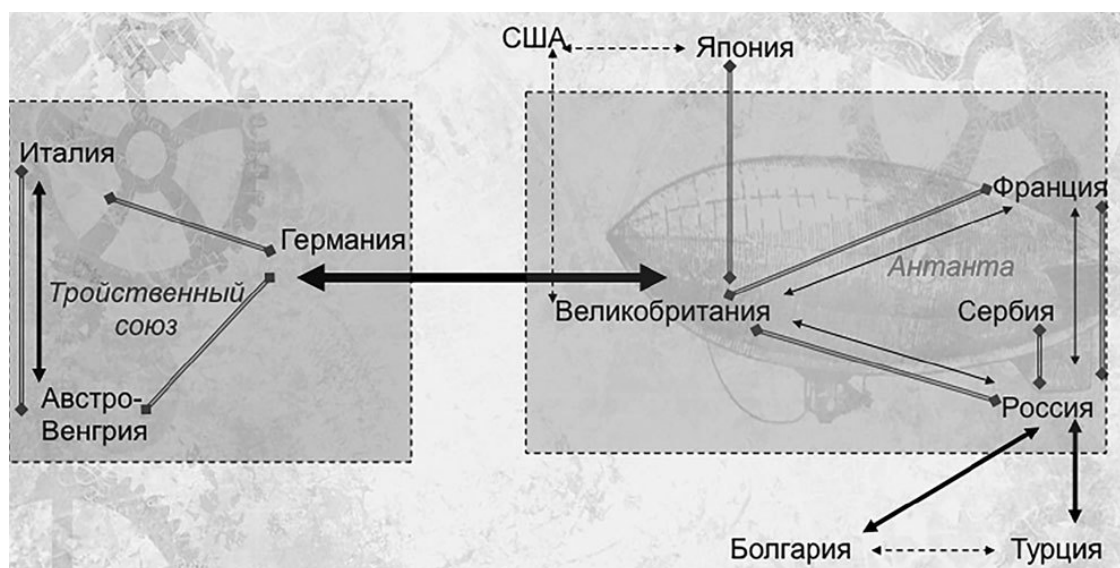
1911–1912 гг. Итало-Турецкая (Триполитанская. Первая Триполитанская) война

1912 г. Франко-Русская морская конвенция

1912–1913 гг. Первая балканская война

1913 г. Вторая балканская война

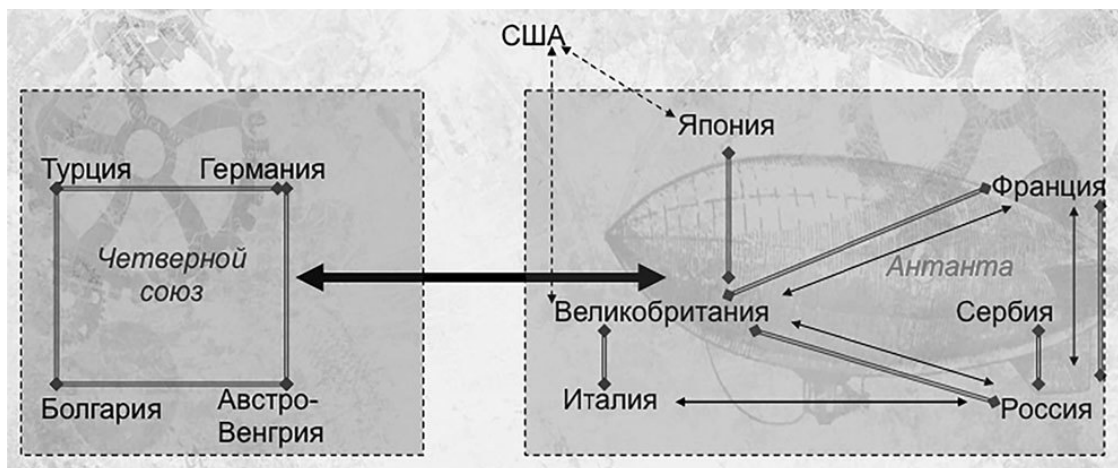
В результате система политических узлов «Серебряного века» трансформировалась в систему союзов.



Но в перечислении пропущена одна дата. В 1902 году заключено Франко-итальянское соглашение. Это соглашение предоставляло итальянцам свободу рук в Ливии и в Далмации, Францию же оно страховало от удара с юга. Фактически Италия сделала первый и важнейший шаг к выходу из союза с Германией и Австро-Венгрией.

Она пройдет этот путь до конца: не поддержит Австро-Венгрию в Сараевском кризисе, откажется от вступления в войну на стороне своих союзников, подпишет в сентябре 1914 года секретные соглашения с Антантой и вступит в 1915 году в войну на ее стороне.

Германия и Австро-Венгрия компенсируют себя за счет «обиженной» Сербией и Россией Болгарии и Турции. Тройственный союз превратится в Четверной.



Заметим, что для Турции это был немалый дипломатический успех. Полуколония оказалась субъектом мировой политики и одним из ее значимых игроков.

Интермедия 1: «Первая кровь»

Кампании военных займов, гражданские патрули, женские вспомогательные части, дамские общества милосердия, девушки за рулем санитарных машин – война по всей форме; и все это под беспрестанно повторяемый лозунг: «Куздра будланула бокров!»

Мне с трудом верилось, что это не сон. Повод казался несерьезным для войны. Огромный, могучий народ взял с потолка дурацкий лозунг и швырнул его в лицо всему миру. За океаном группа стран объединилась в союз, утверждая, что они вынуждены защищаться от навязываемого им принципа, который для них нежелателен. Вся эта история яйца выеденного не стоила. Казалось, до военных действий не дойдет; скорее было похоже, будто разыгрывается долгий и сложный спектакль.

Майлс Дж. Брейер. «Куздра и бокры»

Столетие со дня убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда прошло незамеченным. Его заслонил не столько даже очередной виток «украинского кризиса», сколько чемпионат мира по футболу в Бразилии. Заметим, кстати, что и сто лет назад дело обстояло похожим образом: ну, событие, ну, сенсация, ну и что?..

Было лето, обычный уже и тогда период отпусков и некоторой расслабленности, само убийство воспринималось как внутреннее дело Австро-Венгрии, точнее говоря, полиции двуединой монархии. Убийство престолонаследника одного из крупнейших европейских государств, конечно, могло привести к некоторому осложнению международной обстановки, но в разумных и контролируемых пределах.

Атмосфера начала накаляться позднее, недели через две. Одиннадцатого июля А. Тирпиц неофициально предупреждает М. фон Шпее, командующего германской Тихоокеанской эскадрой, об опасности войны и о предположительно негативной позиции Великобритании. Но нельзя исключить, что морской министр просто воспользовался хорошей возможностью слегка взбодрить отдыхающую в далеких водах эскадру. До ультиматумов оставалось еще две недели...

Сараевское убийство

Первые публикации, посвященные причинам возникновения войны и поиску виновных в ее развязывании, появились еще до Рождества 1914 года: знаменитые «цветные книги» – французские желтые, английские синие и белые, германские белые, русские оранжевые, австрийские красные, бельгийские серые... Понятно, что обойти вниманием сараевское убийство было невозможно, но и акцентировать внимание на нем было «политически недальновидным». К этому времени сотни тысяч русских, немцев, французов, австрийцев уже были мертвы. Из-за того, что «*в Сараеве застрелили эрцгерцога*»?

После войны Австро-Венгрия прекратила существование, Германия была лишена права голоса, и осталось, по существу, две версии.

Официальная позиция Антанты: войну развязала Австро-Венгрия, которая воспользовалась сараевским убийством как поводом к агрессии против Сербии. Не исключено, что и само убийство было подстроено охранкой двуединой монархии.

Официальная точка зрения СССР: причиной войны были англо-германские противоречия, преимущественно экономические, торговые и морские. Войну развязала Германия, воспользовавшись затруднительным положением Австро-Венгрии в связи с убийством престолонаследника.

Самое интересное, что обе эти версии в целом – правда, но, возможно – не вся...

Изложим общеизвестные факты:

Пятого октября 1908 года Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. Эти территории, исторически принадлежащие Турции, были освобождены в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и по Берлинскому договору 1878 года «*временно оккупированы Австро-Венгрией*». Против этого с самого начала выступала Сербия, указывая, что 50 % населения провинций составляют этнические сербы.²⁰ В начале XX века правительство младотурок заявило свои «неотъемлемые права» на Боснию и Герцеговину, что заставило австрийцев перейти к активным действиям. Султан согласился взять за две провинции 2,5 миллиона фунтов стерлингов – деньги были очень нужны. Италии заплатили невмешательством Вены в Ливийскую войну. Россия также не особенно возражала, потребовав лишь отмены нейтрализации Босфора и Дарданелл и отказа Болгарии от формального вассалитета по отношению к Турции. Сербия находилась в фарватере русской политики и самостоятельно выступить против Австро-Венгрии не имела возможности.

Все могло пройти без всяких осложнений, но австрийская дипломатия поспешила и сделала решительный шаг, не выждав удобного момента. Великобританию и Францию судьба Боснии и Герцеговины не волновала ни в малейшей степени, но вот статус Черноморских проливов значил для них очень многое. В итоге Россия дезавуировала достигнутые договоренности, что сделать было весьма легко, поскольку переговоры А. Извольского с А. Эренталем носили совершенно неофициальный характер.

Далее раскрутился обычный Балканский кризис: мобилизация в Сербии и Черногории, мобилизация в Австрии, давление Германии на Россию, окончившееся для Николая II «дипломатической Цусимой». Двадцать третьего марта 1909 года Россия признала аннексию Боснии и Герцеговины, а неделей позже это вынуждена была сделать и Сербия. Девятого апреля 1909 года свершившийся факт был официально признан великими державами, а А. Эренталь получил титул графа.

²⁰ Ума не приложу, каким образом Сербия обосновывала эту цифру. Понятно, что ни о каких внятных и достоверных статистических исследованиях на территории Османской империи, оккупированных Австро-Венгрией, и речи быть не могло.

Сербия отступила, официально объявила об отказе от антиавстрийской пропаганды в Боснии, но ничего не забыла и не простила.

И здесь проявляется одна из скрытых пружин европейской политики и истории. До XVII столетия европейское пространство структурировалось наднациональными образованиями – Священной Римской империей и Французской монархией с одной стороны, и Османской империей – с другой. Россия, Англия, еще не ставшая Великобританией, и Швеция составляли периферию континента.

Такая ситуация не изменилась де-юре и после Тридцатилетней войны, хотя фактически Вестфальский мир зафиксировал суверенитет Нидерландов и Швейцарии, то есть возникновение «неимперской Европы».

В ходе Великой французской буржуазной революции аббат Сиейес придумал слово «нация», имея в виду исключить из числа французов «нежелательных лиц», то есть высшие сословия: *«третье сословие и одно представляет собой нацию»*. С этого момента в Европе неизбежен конфликт двух законодательных начал.

В империях есть *подданные*. И если не считать России с ее упором на *«православие, самодержавие, народность»*, национальность и вероисповедание *подданных* никакого значения для монарха не имеют. Территориальный суверенитет монархии определяется правом завоевания и исторически сложившимися наследственными, по своей сути, феодальными правами. Австро-Венгрия, столетиями воевавшая с Османской империей, рассматривала Боснию и Герцеговину как свою законную добычу, а население провинций, вне всякой зависимости от его национальной принадлежности, как своих подданных.

В национальных государствах есть *граждане*. Гражданство определяется по национальному признаку, «по крови». Территориальный суверенитет национального государства простирается на все земли, где преобладает население, принадлежащее к титульной нации (*теория национальных границ*). Сербия считала все территории, населенные преимущественно сербами, «оккупированными» и не скрывала своего желания их вернуть. Тем самым жители Боснии и Герцеговины Сербией рассматривались как ее граждане.

Здесь уже заложен конфликт, тем более серьезный, что обе стороны искренне считали себя правыми. Ситуация дополнительно усугублялась положениями геополитики и расовой теории. Геополитика выступала за *«естественные границы»*, позволяющие государству контролировать все необходимые для войны и экономики ресурсы. Начертание естественных границ должно способствовать обороне территории.²¹ Расовая теория, в то время вполне респектабельная, вводила понятие наций, «близких по крови», «родственных». На ее основании была построена идеология Югославии как единого государства близкородственных южнославянских народов. Эта доктрина вызывала в Австро-Венгрии серьезную озабоченность и рассматривалась как *обоснование агрессии*.²²

Не будет преувеличением сказать, что одной из причин Первой мировой войны стал конфликт между системой феодальных прав и концепцией

²¹ Например, для Франции естественными границами оказываются Рейн – Альпы – Пиренеи, а для Германии – Маас и Висла.

²² Вспомним у Я. Гашека: кадет Биглер намеревался написать об этом книгу «Славянский империализм и мировая война».

национального государства. Нужно признать прозорливость бравого солдата Швейка и Ярослава Гашека, сразу же сравнившего мировой кризис 1914 года с Тридцатилетней войной.

Однако вернемся к изложению хода событий. Не имея возможностей дипломатического давления на Австро-Венгрию, Сербия переходит к тактике террористической борьбы. Двадцать второго мая 1911 года создана «Черная рука», террористическая югославская организация, имеющая своей целью объединение южных славян в единое государство под патронажем Сербии.

Эта организация с самого начала возглавлялась сербской контрразведкой под руководством Д. Дмитриевича.²³ Другой вопрос, что сама эта контрразведка не контролировалась ни правительством Сербии, ни ее королем, ни Генеральным штабом, и была, по сути дела, личной «Аль-Каидой» Д. Дмитриевича.

«Черная рука» сразу же начала с организации террора, причем первой мишенью был избран сам Франц-Иосиф, второй – генерал О. Потioreк, в тот момент губернатор Боснии. Как это обычно и бывает, оба покушения оказались неудачными и никакого резонанса не вызвали.

Весной 1914 года Д. Дмитриевич избрал новой целью эрцгерцога Франца-Фердинанда, наследника престола, высокопоставленного военного и энергичного политика, имевшего план политического реформирования Австро-Венгрии с предоставлением Боснии широкой автономии. Эти идеи, вероятно, были увязаны с «большой стратегией» Франца-Иосифа, намеревавшегося перестроить двуединую монархию в конкурентоспособное государственное образование, способное бороться за культурное и цивилизационное лидерство, по крайней мере в германском мире.²⁴ Понятно, что такой проект ставил на идее Югославии жирный крест, что было для Д. Дмитриевича нетерпимым.

С «Черной рукой» сотрудничала «Млада Босния». Интересно, что политические цели этих организаций решительно не совпадали: «Млада Босния» исходила из теории этнографа Й. Цвиича о «югославском народе», в то время как Дмитриевич собирался создать великое пансербское православное государство.

Тем не менее «правые» и «левые» террористы договорились между собой.

В 1913 году О. Потioreк пригласил Франца-Фердинанда почтить своим присутствием военные маневры в Боснии. В свою очередь, Франц-Иосиф назначил эрцгерцога наблюдателем на этих маневрах. Узнав об этом, губернатор Боснии попросил Франца-Фердинанда задержаться после маневров и принять участие в открытии нового государственного музея в Сараево.

²³ Классический террорист, садист и убийца. В 1903 году возглавил заговор против короля Сербии Александра Обреновича, в результате которого были убиты король, королева, премьер-министр и военный министр страны. «Сербь покрыли себя не только позором цареубийства (что уже само по себе не допускает двух мнений!), но и своим поистине зверским образом действий по отношению к трупам убитой ими Королевской Четы. После того как Александр и Драга упали, убийцы продолжали стрелять в них и рубить их трупы саблями: они поразили Короля шестью выстрелами из револьвера и 40 ударами сабли, а Королеву 63 ударами сабли и двумя револьверными пулями. Королева почти вся была изрублена, грудь отрезана, живот вскрыт, щеки, руки тоже порезаны, особенно велики разрезы между пальцев, – вероятно, Королева схватилась руками за саблю, когда ее убивали, что, по-видимому, опровергает мнение докторов, что она была убита сразу. Кроме того, тело ее было покрыто многочисленными кровоподтеками от ударов каблуками топтавших ее офицеров. О других надругательствах над трупом Драги... я предпочитаю не говорить, до такой степени они чудовищны и омерзительны. Когда убийцы напелись вдоволь над беззащитными трупами, они выбросили их через окно в дворцовый сад, причем труп Драги был совершенно обнажен...» (русский журналист В. Теплов). В ходе этого покушения Д. Дмитриевич был тяжело ранен. После прихода к власти династии Карагеоргиевичей он был приглашен в Военную академию как профессор тактики (в звании капитана!). С начала Первой мировой войны – начальник разведывательной службы Сербии. Арестован в марте и казнен в июле 1917 года по обвинению в государственной измене. Он и в самом деле готовил очередной переворот: королевская Сербия Карагеоргиевичей стала в его глазах препятствием к созданию Югославии. Реабилитирован при И. Тито в 1953 году.

²⁴ Осколки этого проекта во многом определили историю XX столетия: Венская экономическая школа, Венская школа квантовой механики, Венская школа психоанализа, Венский кружок (неопозитивизм, структурная лингвистика, семиотика), Венская школа системных исследований...

Все это открыто обсуждалось в Австро-Венгрии, поэтому Д. Дмитриевич точно знал, где будет Франц-Фердинанд по окончании маневров. Окончательное решение было принято им где-то между 26 марта (отмена убийства О. Потioreка) и 26 мая 1914 года, когда террористам было доставлено оружие.

Двадцать восьмого мая Г. Принцип и его спутники покинули Белград на лодке, и 1 июня нелегально пересекли границу Австро-Венгрии, в чем им оказало помощь *официальное лицо* – капитан сербской пограничной стражи Попович.

Здесь необходимо указать, что к этому времени правительство Сербии, имевшее своих агентов в рядах «Черной руки» (и, вероятно, среди приближенных самого Дмитриевича), знало о готовившемся покушении. Большой радости у премьера Н. Пашича это, понятно, не вызвало, но и особых опасений тоже. В конце концов, за 1911–1913 гг. «Черная рука» устроила в Австро-Венгрии пять покушений на громкое политическое убийство, и все пять оказались неудачными.

Н. Пашич тем не менее попытался помешать переходу сербской границы Г. Принципом «со товарищи», но контрразведка разбиралась в таких делах значительно лучше, и я сомневаюсь, что Д. Дмитриевич хотя бы заметил усилия правительства по усилению охраны границы и поиску «подозрительных лиц».

Когда стало ясно, что террористы *уже* находятся на австрийской территории, Н. Пашич решил по дипломатическим каналам предостеречь эрцгерцога. Из этого тем более ничего не вышло: туманные намеки сербского посла эрцгерцог воспринял как очевидную провокацию. Что-то вроде: «*Правительство Украины категорически возражает против визита российского премьер-министра Д. Медведева в Севастополь*».²⁵

Теперь все зависело от качества работы австро-венгерской охраны. К удивлению, она проявила себя совершенно непрофессионально, в чем многие видят своего рода заговор, тем более что и сам Франц-Фердинанд, и особенно его супруга, большой популярностью в стране не пользовались – ровно по тем же причинам, по которым Дмитриевич организовал убийство: планируемые эрцгерцогом политические реформы затрагивали слишком многие интересы.

Версия красивая, но малоправдоподобная: *слишком сложно для цирка*.

Утром 28 июня Франц-Фердинанд прибыл в Сараево, где его встретил О. Потioreк. «*Эрцгерцога ожидали шесть автомобилей. По ошибке трое местных офицеров полиции оказались в первой машине с главным офицером службы безопасности эрцгерцога, тогда как другие офицеры службы безопасности остались позади. Во втором автомобиле были мэр и глава полиции Сараева. Третьим в кортеже был открытый автомобиль со сложенным верхом компании «Gräf & Stift» модели 28/32 PS. В этом автомобиле оказались Франц-Фердинанд с Софией, Потioreк, а также владелец автомобиля подполковник Франц фон Харрах*». По пути следования автомобиля было расставлено несколько засад. Двое первых террористов не смогли выполнить свою задачу. Третий бросил гранату, которая отскочила от машины эрцгерцога и взорвалась, ранив 20 человек.

Франц-Фердинанд благополучно прибыл в ратушу и резко сказал мэру: «*Господин мэр, я прибыл в Сараево с дружественным визитом, а в меня кто-то бросил бомбу. Это возмутительно!*» Далее охрана эрцгерцога и местная полиция начали обсуждать, что делать. Было предложено прервать визит, но возмутился губернатор О. Потioreк: «*Вы думаете, что Сараево кишит убийцами?*»

²⁵ «Двадцать первого июня посол Йованович встретился с министром финансов Австро-Венгрии Леоном Билинским. Согласно сербскому военному атташе в Вене, полковнику Лесаницу, посол Йованович в разговоре с Билинским «... подчеркнул в общих чертах риск эрцгерцога как наследника пострадать от воспаленного мнения общества в Боснии и Сербии. Возможно, лично с ним случится некий несчастный случай. Его путешествие может привести к инцидентам и демонстрациям, которые Сербия будет осуждать, но это будет иметь фатальные последствия для австро-сербских отношений».

Естественного ответа «Да» не последовало, в результате Франц-Фердинанд и София решили посетить раненых в госпитале. О. Потioreк догадался сменить маршрут движения кортежа, но это распоряжение не было доведено до шофера. В результате автомобиль свернул на улицу Франца-Иосифа, где его ждал Г. Принцип. Вопреки распространенному мифу, он успел сделать всего два выстрела, но оба ранения оказались смертельными. София умерла до прибытия в резиденцию губернатора, эрцгерцог – через несколько минут.

Вечером в Сараево начались погромы. *«Около тысячи домов, школ, магазинов и других заведений, принадлежавших сербам, были разграблены и разрушены».*

Развитие кризиса

Первоначально сараевское убийство воспринималось как чистая уголовщина, тем более что все непосредственные участники покушения сразу же были арестованы и свою вину признали. Однако на сей раз австрийские следователи отнеслись к делу серьезно и раскрыли «сербский след» за несколько дней.²⁶ Всплыли имена Д. Димитриевича, В. Танкосича, капитана сербской армии, упоминался также Раде Малобабич из военной разведки Сербии. Конечно, были названы поименно сербские пограничники.

В итоге уже 4 июня Франц-Иосиф пишет кайзеру Вильгельму II: «...*Сараевское убийство не является делом отдельной личности, а есть результат тщательно подготовленного заговора, нити которого ведут в Белград*». В этот день выстрелы Г. Принципа перестают быть событием уголовной хроники и обретают политическое измерение.

Впрочем, пока речь идет о сугубо балканских проблемах. Пятого июня появляется Австро-Венгерский меморандум относительно политики Центрального союза на Балканском полуострове. На следующий день кайзер Германии и его правительство одобряют этот документ и дают указания в этом духе своим посольствам в Бухаресте и Софии. Пока еще кризис не затрагивает ни Петербурга, ни Парижа, ни Лондона.

К этому времени австрийская полиция уже точно знала, что в деле замешаны сербские полицейские и военные чины, *которые действовали без ведома правительства страны*. В этой ситуации у Австро-Венгрии было право разговаривать с Сербией более чем жестко, но не обязательно ультимативным языком.

Здесь, конечно, развилка. Австро-Венгрия никак не могла игнорировать роль Сербии в сараевском убийстве – такое проявление слабости, *вероятно*, привело бы к неизбежному острому политическому кризису и развалу империи. Но Франц-Иосиф мог не доводить ситуацию до войны, которая *обязательно* приводила к гибели государства.

От него требовались очень точные и очень быстрые решения: поток событий нарастал, резко ограничивая пространство выбора. Возможно, если бы вся политическая ситуация ограничивалась бы Австро-Венгрией, Сербией и Россией, кризис удалось бы локализовать. Но в Европе были и другие силы.

Двадцатого июля Франция прекращает отпуска высшего командного состава, и Сараевский кризис сразу же становится европейским. Сомнительно, чтобы правительство Р. Вивиани (сменил А. Рибо 12 июня) в тот момент хотело войны или даже серьезно о ней думало. Скорее это был знак одобрения Николаю II и призыв ему занять более активную позицию.

Николай не очень хорошо понимал, что ему в данной ситуации следует делать. Убийство престолонаследника Австро-Венгрии было, разумеется, *«актом неприкрытого терроризма»*, и никакого сочувствия Сербия в тот момент у царя не вызывала. Но... Россия тоже помнила Боснийский кризис 1908–1909 годов и отнюдь не была настроена на новую «Цусиму».

Все зависело теперь от умеренности и такта правительства Австро-Венгрии.

Двадцать третьего июля Австро-Венгрия направила официальное письмо правительству Сербии, и это письмо вошло в историю как *«Июльский ультиматум»*. Австро-Венгрия потребовала полностью устраивающего ее ответа в течение 48 часов.

Сербия немедленно мобилизовала свою армию и попыталась ответить на письмо в максимально примирительном стиле. Она полностью приняла пункт № 8 *«о принятии эффективных мер к предотвращению контрабанды оружия и взрывчатки в Австрию, аресте погранич-*

²⁶ В последнее время появились публикации, втягивающие в сараевское убийство Россию, но это в высшей степени сомнительно. Россия до некоторой степени управляла сербской политикой, но российский Генеральный штаб не контролировал сербскую контрразведку. Вероятно, у него были там свои агенты, и что-то о готовящемся покушении Генштаб мог узнать, но никак не больше, чем Иванович сообщил Билинскому.

ников, помогавших убийцам пересечь границу» и № 10 «о беззамедлительном информировании австрийского правительства о мерах, принятых согласно всем пунктам», частично приняла пункты № 1 «о запрете изданий, пропагандирующих ненависть к Австро-Венгрии и нарушение ее территориальной целостности», № 2 «о закрытии общества «Народная Оборона» и других организаций, ведущих пропаганду против Австро-Венгрии» и № 5 «о сотрудничестве с австрийскими властями в подавлении движения, направленного против целостности Австро-Венгрии», потребовала доказательств по пунктам № 3 «об исключении антиавстрийской пропаганды из народного образования», № 4 «об увольнении с военной и государственной службы всех офицеров и чиновников, занимающихся антиавстрийской пропагандой», № 7 «об аресте майора Танкосича и Милана Цигановича, причастных к сараевскому убийству» и № 9 «об объяснении насчет враждебных к Австро-Венгрии высказываний сербских чиновников в период после убийства». Отклонен был пункт № 6 «о проведении расследования при участии австрийского правительства против каждого из участников сараевского убийства», как формально противоречащий конституции страны.

Думаю, что сербское правительство с удовольствием передало бы австрийцам не только Танкосича и Цигановича, но и Димитриевича, но сделать это для Н. Пашича (да и для Петра Карагеоргиевича) было в тот момент равносильно самоубийству. Конечно, в 1917 году «*все виновные были строго наказаны*», но тогда и ситуация была другая, да и суд проходил в Салониках под контролем французских войск.

Думаю также, что австрийский министр иностранных дел Л. Берхтольд понимал тяжелое положение сербского правительства и сознательно включил в ультиматум провокационные требования № 6 и 7.

С этого момента историки четко разделяются на два лагеря. Примерно половина считает, что Сербия *приняла* австрийский ультиматум, и этим повод к войне был исчерпан. Как это ни парадоксально, такой позиции в июле 1914 года придерживался кайзер Вильгельм II, заявивший, что сербский ответ, в сущности, снимает основания для войны. Историки же, настроенные прогермански, полагают, что Сербия ультиматум *отклонила*, поскольку отказалась выполнить единственные содержательные требования. Понятно, что легко запретить сегодня с десятков изданий, чтобы завтра открыть их под другими названиями, то же самое касается увольнений чиновников и изменения школьной программы. А что касается «*эффективных мер по предотвращению контрабанды оружия...*», то всем ролевикам давно известно правило: «*Приказы, начинающиеся с «улучшить», «углубить», «принять эффективные меры...» и так далее, никем и никогда не выполняются, в реестр не записываются, и никакие претензии по этому поводу не принимаются...*»

Во всяком случае, еще до того, как вручить австрийскому послу свой ответ, Н. Пашич попросил передать российскому министру иностранных дел С. Сазонову, что «*рассчитывает на помощь России, поскольку не только сербское правительство считает притязания Австрии неприемлемыми*». С. Сазонов и сам полагал, что ультиматум Австро-Венгрии направлен не против Сербии, а против России.

Похоже, только Л. Берхтольд в тот момент так не думал!

Николай II обращается к Австрии:

«Прошу передать австро-венгерскому министру иностранных дел следующее:

Вступление Австро-Венгрии в контакт с державами на следующий день после вручения ультиматума Белграду лишает их возможности за оставшийся краткий срок принять что-либо, что могло бы оказаться полезным для разрешения возникшего кризиса. Поэтому мы считаем целесообразным для предотвращения непредвиденных и ни для одной из сторон нежелательных последствий, которые могут иметь место при нынешнем образе действий Австрии, чтобы последняя продлила установленный для Сербии срок (...), с тем чтобы державы могли принять свое решение. Австрия обещала сообщить державам основ-

ные пункты своих претензий Сербии; признав их обоснованными, державы смогли бы дать Сербии соответствующие рекомендации. Отклонение Австрией предлагаемого нами образа действий будет прямым нарушением международной этики и сделает представленные нам сегодня разъяснения бесполезными».

Двадцать четвертого июля премьер-министр Великобритании Г. Асквит информирует кабинет о том, что *«политическое положение в Европе следует считать серьезным»*. В тот же день посол Германии в Великобритании К. Лихновский передает кайзеру: *«Британское правительство употребит все свое влияние для разрешения трудностей Австрии в Белграде при условии, что национальная независимость Сербии не будет ущемлена. Глава Форин Оффис выразил надежду, что мы не поддержим невыполнимые требования Вены, преследующие цель развязывания войны и использующие трагедию в Сараево исключительно для осуществления австрийских притязаний на Балканах»*.

Почему-то в этот день Бельгия неожиданно для всех объявила о *«принятии предварительных мер к усилению боевой готовности армии»*. Само по себе это ничего не означало, кроме того, что конфликтная ситуация полностью вышла из-под контроля.

К. Лихновский сообщает, что Э. Грей, министр иностранных дел Великобритании, *«весьма взволнован необъяснимым ультиматумом, с его точки зрения, государство, принимающее такие условия, перестает принадлежать к числу суверенных стран»*.

Кайзер реагирует очень резко: *«Уничтожение Сербии? А зачем ей существовать? Сербия – не государство в европейском смысле, а банда разбойников»*.

Так что концепция «государств-изгоев» появилась не вчера и принадлежит отнюдь не американскому Госдепартаменту...

Объявление войны

Австро-Венгрия разрывает дипломатические отношения с Сербией и указывает послу в Петербурге, что *«Империя не остановится даже перед возможностью европейских осложнений»*. Николай II телеграфирует принцу-регенту Сербии: *«Правительство внимательно следит за развитием сербско-австрийского конфликта, который не может оставить Россию равнодушной»*. В ответ Германия вручает России официальную ноту: *«Германия считает само собой разумеющимся, как союзница Австрии, что с ее точки зрения упор, делаемый венским кабинетом на его законных требованиях к Сербии, вполне оправдан»*.

Это еще не ультиматум, но что-то к нему достаточно близкое.

Германия вызывает из отпусков офицеров, находящихся за пределами страны, и вводит режим охраны крупных военных и промышленных объектов.

При этом почему-то продолжают регулярные трансатлантические рейсы германских судоходных компаний, что впоследствии приведет к тому, что несколько первоклассных немецких лайнеров окажутся интернированными в Нью-Йорке, и в 1917–1918 гг. они будут использованы для перевозки американских солдат в Европу.

Двадцать пятого июля происходит еще одно событие, крайне важное для всего последующего хода войны: под давлением Великобритании Италия заявляет о своем нейтралитете в австро-сербской войне. Слово «война» названо. И одновременно резко изменилась оперативная ситуация на Средиземном море. Теперь флот Антанты имеет там очевидное преимущество.

В решающий день, 31 июля, Италия подтвердит свою позицию, несмотря на личную телеграмму кайзера Виктору-Эммануилу, что он *«надеется на своего верного союзника»*.

Италия в ответ повторяет свои разъяснения по поводу оборонительного характера Тройственного союза, вследствие которого Италия не примет участие в агрессивной австро-сербской войне, *«ввиду агрессивных действий Австро-Венгрии против Сербии война не составляет для Италии casus foederis»*.

Э. Грей предлагает созвать в Лондоне международную конференцию (скорее всего, по личной просьбе англофила К. Лихновского, всеми силами пытающегося остановить войну). Австро-Венгрия и Германия отвергают такую возможность. В течение дня С. Сазонов, А. Извольский, Ж. Палеолог поочередно заявляют: *«На этот раз – война»*.

В этот день, 26 июля, сербские резервисты, которых везли по Дунаю, случайно нарушили австрийскую границу. Пограничники для вида постреляли в воздух, но Францу-Иосифу было доложено о *«значительной перестрелке»*.

Двадцать седьмого июля Германия начинает работы в крепостях, объявляет частичный призыв резервистов, возвращает войска в места постоянного расквартирования, усиливает охрану железных дорог.

Германские железные дороги и в мирное время находились под контролем офицеров Генерального штаба, теперь же они окончательно переходят в ведение военных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.